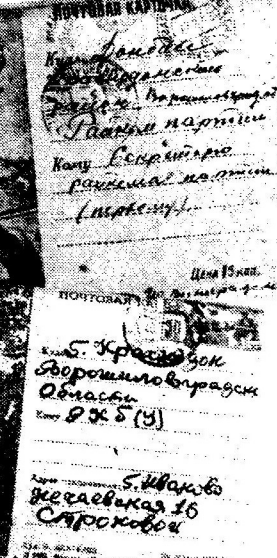
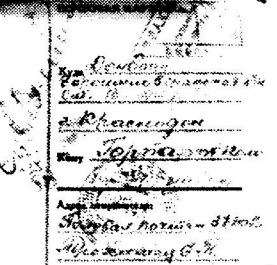
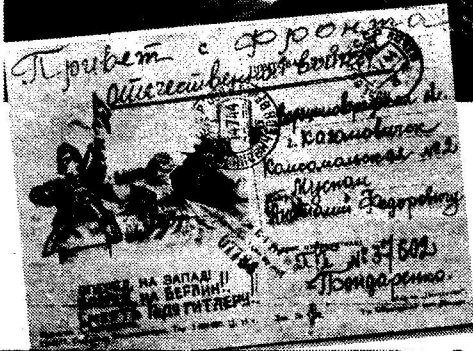

ВОЙНОЙ ИСПЕПЕЛЕННЫЕ

Прошли десятилетия со времени окончания Второй мировой войны, а в памяти народной военное лихолетье до сих пор отзывается болью. Интерес к этому периоду XX века все усиливается. Нынешнее поколение переосмысливает историю последней войны – Великой Отечественной. А в сердцах старшего поколения это слово – нежизнеспособная рана. Это оборванные на взлете мечты о будущей счастливой жизни, последний поцелуй, прощальный взгляд самого близкого, самого дорогого человека. Война – это кровь, слезы и бесконечные человеческие страдания... Вместо смеха дети и молодежь войны слышали разрывы бомб, вместо чистого неба видели самолеты-бомбардировщики, вместо лиц родных и близких – фашистских извергов. Они жили голодные, без самой необходимой одежды и обуви. У половины этих молодых людей война отняла родителей, братьев и сестер. Такое горе не сравнить ни с чем, ни с какими другими лишениями.

Разве можно такое забыть? Сколько бед вытерпели наши люди, сколько погибло людей, сколько было пролито слез! Великая Отечественная война – одно из самых ужасных испытаний, выпавших на долю нашего народа. Ее тяготы и кровопролитие оставили огромный отпечаток в сознании людей и имели тяжелые последствия для жизни целого поколения.

Поэтому значение Великой Победы для жителей Луганщины остается неизменно высоким. Трудно представить, сколько бед и трагедий могло произойти, если бы не доблесть и мужество советского народа, защитившего рубежи Отечества ценою собственных жизней.

Всем нам необходимо знать прошлое своего народа для того, чтобы оценивать настоящее.

Каждый из военного поколения прожил свою войну. Так называемые «восточные рабочие» (названные Третьим рейхом оstarбайтерами) в годы войны оказались по другую сторону фронта. В историю Великой Отечественной войны они вошли как «граждане, вывезенные на принудительные работы». В послевоенные годы эта формулировка стала «черной меткой» для всех, кто выжил и вернулся из немецкого плена домой. Их сторонились, считали предателями, ограничивали в правах. Бывшие «восточные рабочие» старались скрывать свое пребывание в годы войны в Германии.

Сегодня, благодаря архивным документам, хранящимся в Государственной архивной службе Луганской Народной Республики, открываются малоизвестные страницы истории Великой Отечественной войны.

По имеющимся в Госархиве ЛНР сведениям, в нацистскую Германию с Луганщины были угнаны около 70 000 человек мирного населения, только из Ворошиловграда – 10 000 человек.

Наши земляки работали в шахтах Рура, на металлургических заводах пушечного магната Круппа, сельскохозяйственных фермах немецких помещиков, чернорабочими, прислугой в немецких семьях. Их называли оstarбайтерами.

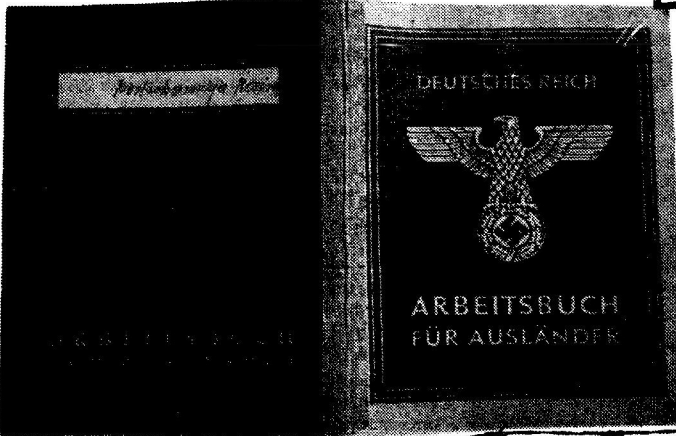
В газете «Новая жизнь» от 25 июня 1943 года читаем: «Как живет украинский рабочий в Рейхе»: «...каждому чуваку, работающему в Рейхе, гарантируется справедливое обхождение... Жилье в хорошем гигиеническом состоянии, порядке и чистоте. Лагерь никогда не замыкается, и выход из них свободен. О новой одежде и получении пищи... О праве на медицинскую помощь... О развлечениях и отдыхе... Отпуска на родину предоставляются после одного года работы...»

Но так ли было на самом деле? На этот вопрос нам устами пожелтевших документов отвечают люди, которые реально знают, что такое труд в неволе.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Иждивенцев лиц, отправленных в Германию, просит немедленно явиться на Биржу труда для регистрации. Регистрация будет проводиться до 15 апреля 1943 года в дни: с понедельника до пятницы с 7 часов до 11 ч. 30 мин. и с 12 час. 30 мин. до 4 час. 30 мин. в субботу с 7 час. утра до 12 час. 30 мин.

БИРЖА ТРУДА.

Слово «остарбайтер» (Ostarbeiter) в переводе с немецкого означает «рабочий с Востока». Условия содержания и труда оstarбайтеров были намного жестче по сравнению с условиями содержания и труда лиц, вывезенных на принудительные работы из других стран. Чтобы облегчить мобилизацию рабочей силы для промышленности, гитлеровские захватчики в газетах, специальных плакатах, открытках, расписывали «красоту фашистского рая», вручали повести на бирже труда, которые начинались угрозой: «Уклонение от работы – наказуется». Пропаганда фашистского правительства расхваливала на все лады прелести «райской жизни в Германии», якобы обеспечивающей свободную, творческую и высокооплачиваемую работу всем прибывшим в Рейх.

МЫ ПЕЧАТАЕМ ЭТИ ВОСПОМИНАНИЯ, НАПОЕННЫЕ СТРАШНОЙ МУКОЙ И ГОРЕЧЬЮ ПОРАБОЩЕННЫХ ЛЮДЕЙ, ТАК, КАК ОНИ БЫЛИ НАПИСАНЫ ПОСЛЕ ИХ ВОЗВРАЩЕНИЯ ИЗ ГЕРМАНИИ.

►ЕВДОКИЯ Н. рассказала о том, что за отказ от поездки в Германию грозили расстрелом:

«Когда нас захватили немецкие оккупанты 21 июня в 4 часа вечера, в четверг, у нас... все раскулаченные нашего села возвратились назад в свои дома, они стали полицаями и старостами... Они с народа издевались, гнали на работу, когда им захочется, ночью – и ночью гнали. Если не пойдешь, то они издевались».

Потом они начали отправлять в Германию. В повестках писали: «Согласно приказу отправляется в Германию, а если кто не поедет, будет расстрелян». И когда нам дали повестки 1 октября, то все матери зарыдали в голос, только слышны были голоса матерей и дочерей. Полицай Л. говорит: «Не плачьте, пусть они едут работать, чтобы скорей уничтожить большевизм. Они едут не на долгое время, а только на 6 месяцев, потом мы их возвратим, а других направим на смену». Но наши матери все же не умолкали, а еще сильнее рыдали.

Когда нас 10 октября гнали эти немецкие продажные оккупанты и хотели отогнать наших матерей, чтобы за нами не шли, говорит Л.: «Отойдите в одну сторону, матери, дети – в другую, пусть сами дети идут, а вы, матери, возвращайтесь домой и идите на уборку хлеба, нечего за дитя тянуть». Но наши матери на это не обращали внимания и шли с нами, не отставая ни на шаг. Он кричал на все горло: «Отстать всем матерям! Если не отстанете, стрелять буду!»

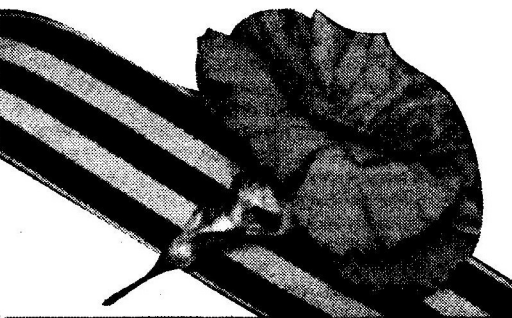
Наши матери говорят: «Стреляй вместе с нашими детьми!» И наши матери не отстали от нас, шли до самого Рубежного. Когда мы пришли в город Рубежное, здесь наши русские девушки с немцами нам выдали документ ехать в Германию. Кто этого документа не хотел брать, то наши девушки переводили немецким зверям. Говорят: «Вы не желаете ехать в цветущую Германию?»

Здесь, в городе Рубежное, получили мы документы. Потом нас пешком гнали до Лисичанска. Когда пригнали нас в город Лисичанск, здесь мы ночевали по квартирам. На шестой день, 11 числа, нас пригнали на станцию. Здесь нас разбили по 40-50 человек в вагон и погрузили нас всех до 3 часов вечера, а в 4 часа вечера, когда отъезжали, то весь город прощался с нами. А Донец, как старик, застонал и волну за волною нагонял и с нами прощался своими седыми волнами. А матери наши своими голосами забивали, слышно только было стоны матерей и детей. Из города Лисичанска мы приехали в город Каганович, здесь мы остановились вечером, в 10 часов, но уснуть не могли. Нам были слышны материнские голоса, которые нас провожали, как будто живых мертвецов. И нас не выпускали немецкие звери, чтобы мы не удрали. Когда мы выехали с города Каганович в 12 часов ночи, мы все плакали, не могли прийти в чувство и не могли забыть материнских слез». (Р-1747, оп. 5, д. 22, л. 275).

►ОЛЬГА рассказывает об издевательствах немцев:

«7 ноября 1942 года меня угнали в Германию. Когда нас пригнали к вагонам, то нас погрузили, как свиней, в грязные товарные вагоны по 100 человек. Спали одетые, полуголые, то, что имели с дому харчи. Нас заперли так, что не могли убежать из вагонов. Открывали лишь, чтобы сходить в уборную, и то приходилось и в вагонах. Когда переехали границу, то нас всех погнали в лагерь. Там нас загнали в цементный сарай и пораздевали наголо, и мы сидели сутками, ожидали белья, пока они нам его принесут. Когда принесли белье из дезинфекции, то покидали его на снег, и мы вынуждены были выбегать голыми на снег и искать свой узел, так что приходилось целых полдня искать в кучах свое белье нагой, а жители ходили мимо и смеялись с нас. Эти работники-немцы подбивали тросточками по нас нагих, где оставались синие прутья по телу. Когда скажешь на него что-либо, то получали пощечины. В одном лагере жили мы целую неделю на голых нарах с клопами, пока нас не отправили дальше». (Ф-1747, оп. 5, д. 22, лл. 85, 85 об.).

через проволоку во встречном направлении РАСТРЕЛА

▶АНТОНИНА Н. рассказала:

«...выгрузили нас из вагона, постановили в ряды по 3 человека и под охраной немцев повели в лагерь, который был огражден колючей проволокой вокруг в 2 метра высотой, кушать не давали ничего. На второй день погнали нас на завтрак и дали нам какую-то баланду без хлеба, а после завтрака повели на комиссию. Это была не комиссия, а издевательство. Всех раздели и вокруг стола гоняли глетками. После комиссии повели в баню, а белье наше было отобрано и сдано на дезинфекцию. После бани нас пропустили раздетых через какой-то коридор. Проходили по коридору, а нас из шланга поливали холодной водой примерно с час. Мы, раздетые, сидели в холодной комнате и ожидали свою одежду с дезинфекции, а потом, после этой бани, вывели нас во двор, где немцы заставляли раскутываться, смотрели на волосы, в глаза, зубы и отбирали себе на работу ту, которая им понравится». (Р-1747, оп. 5, д. 24, л. 388).

▶ТАТЬЯНА Н., насильно угнанная в Германию, вспоминает:

«Памятный день 20 сентября 1942 года. Воскресенье. Молчаливые улицы родного, но украденного фашистами города. У меня, как и у тысячи других, в руках невольничьи документы, указывающие, что мы должны ехать на Запад, в проклятую фашистскую Германию. Болью сжалось сердце. Оно не хочет смириться с тем, что я невольница... Прощай, родная сторона, если и загину где в чужой земле, последним светлым воспоминанием будешь ты. Нас погрузили в эшелон, тяжело стукнули засовы дверей, мерно застучали колеса отходившего поезда. За закрытой дверью раздавались рыдания матерей, братьев, сестер. Все погрузилось во мрак. В вагоне грязно и холодно. Нас везли хуже скота, даже не постелили соломы. Двенадцать суток двигался эшелон невольниц, двенадцать суток темноты, грязи и человеческих испытаний. На тринадцатые сутки поезд остановился в Магдебурге.

Вот и конец нашему скорбному пути. Что ожидает нас? Работа, голод и бесконечное унижение. Я сначала попала на военный завод, где делали патроны. Через пять месяцев я бежала. Меня поймали и посадили в камеру, а потом — в концлагерь, где я отбыла 2,5 месяца. После этого я попала к хозяину, немецкому помещику Вайнольду. Здесь я работала полтора года — доила коров, кормила свиней, работала в поле. Не вынесла издевательств, я снова бежала и снова была поймана.

На этот раз меня отправили в штраф-лагерь, где я почти без пищи отбыла полтора месяца. Отсюда меня направили на военный завод. Проработав три недели, я снова бежала, сговорившись предварительно с одной панной, которая помогла мне бежать и устроила работницей у своей сестры-помещицы. Здесь я и жила 7 месяцев до тех пор, пока нас освободили войска союзников. Домой я прибыла 15 августа 1945 года». (Р-1747, оп. 5, д. 22, л. 323).

▶Из рассказа 18-летнего ВАСИЛИЯ В. о нелегкой жизни у хозяина:

«Я решил снова ударить и пробраться как-либо домой. Но как я ни рисковал, нельзя было никаким путем добраться домой, потому что без ОСТА нигде не пойдешь, тебя сразу узнают, что это русский или украинец. ОСТ — это отличие русской нации от немецкой и от всех других государств, которые носили отличие. Если бы я не имел знака ОСТ, то на меня налагался бы штраф: первый раз — 25 марок, на второй — в 2-кратном, третий раз — 3-кратном и т.д., так они издевались над нами. Удираю я и попал снова к хозяину, работал я в сельском хозяйстве. У этого хозяина было четыре сына в немецкой армии, которые служили в пехоте, один — в «СС». Когда этот, с «СС», приезжал в отпуск, то ему хозяин говорил, что я его не слушаю, плохо работаю и нехорошо обращаюсь со скотом. После этого сын хозяина избил меня так, что я целую неделю болел. Из этих четверых сыновей у него не осталось ни одного живого, все погибли на Русском фронте. Я был очень рад, когда узнал, что их ни одного не осталось в живых. И так я работал у хозяина 2 года 6 месяцев, у этого последнего фашиста. По приходу американцев я через две недели выехал в русский лагерь и убил этого идиота-хозяина. Я был очень-очень благодарен своим союзникам, что они меня выручили». (Р-1747, оп. 5, д. 5, л. 42).

Для сотен тысяч советских граждан, угнанных в Германию, гитлеровские рабовладельцы установили еще более ужасные условия каторжного труда, чем в худшие времена древнего рабства. Советские граждане были в лагере, огороженные колючей проволокой. Их гоняли на работу и возвращали колоннами, под охраной вооруженных гитлеровцев. Советских людей лишали имени, их вызывали по номерам. Русские и украинцы получали специальные опознавательные знаки: первые — знак с белой окантовкой по краям и словом «Ост» посередине; вторые носят такой же знак, но с желтой окантовкой. Советские граждане не смеют отлучаться из лагеря. Для советских людей, ввергнутых в рабство, установлен голодный режим.

▶В воспоминаниях ВАСИЛЬЕВ А.И. рассказал о распорядке рабочего дня:

«Начиналась повседневная сценка людей. Стоять и ждать, пока эти немецкие идиоты посчитают, приходилось очень долго, и в любой мороз или дождь. Потом начиналось следование на фабрику. Топот деревянных колодок о мостовую будил еще спящих птиц. Идти нужно было шесть километров. Придя на завод, нас передавали немцам, и целых 11 часов без пищи приходилось работать. Вечером снова подсчитывали нас на заводе и вели в лагерь. Пока дойдем до лагеря, то в глазах делается темно. Многие даже по дороге к лагерю падали от бессилия. В лагере, голодные как собаки, бежали в столовую, чтобы получить миску брюквы или капусты, которая немцы, половина с песком, и тут же давали 300 г хлеба на целый день. Многие не выдерживали, заболели и умирали». (Ф-1747, оп.5, д.5, л.115).

▶ЕВГЕНИЯ Н. рассказывает том, как сортировали молодых девушек:

«5 октября попала под всеобщую мобилизацию и была насильно угнана в Германию. Нас пешком погнали на Дебальцево, где был приготовлен для нас состав с товарными вагонами. В вагоны нас набили по 40-50 человек, была сильная теснота. Двери вагонов закрыли наглухо, и каждому вагону были даны 2-3 вооруженных немца, которые следили за нами в вагонах. Трудно было в дороге, свои харчи были съедены, а они почти не давали, мы собирали крошки хлеба и питались воздухом. Наконец нас привезли к какому-то лагерю. Здесь впервые мы увидели деревянные бараки, окруженные в несколько рядов колючей оградой. Я потеряла совсем надежды к жизни, ибо не так были страшны эти бараки, как ограда с отвратительными вооруженными жандармами. Потом я узнала, что этот лагерь назывался «Штраф Гофф». Здесь была нам баня, и когда мы выходили одеваться, одежду нам не давали и нагих загоняли в другую комнату, куда приходили «паны». Впервые пришлось терять совесть, ибо сюда без всякого стеснения заходили мужчины и смотрели на девушек, а потом ставили им печати — кому на руку, кому на щеку и т.д. Обращение было нечеловеческое. Было жутко терпеть это издевательство, тем более, не зная, для чего они это делают. Я потеряла совсем надежды быть человеком и думала, что буду вечным рабом.

В этом лагере мы, т.е. я, впервые узнала, что значит нары. На рассвете нас подняли, мы получили по 50 г хлеба, а после этого девушек с печатями отделили и повели куда-то, неизвестно для нас. К обеду и мы отправились с жандармами на станцию, где нас погрузили в товарные вагоны и повезли дальше.

Привезли вновь в такой же лагерь, где мы прожили несколько дней. Здесь на ужин каждый из нас получал по 70 г хлеба, 2 раза в день суп с брюквой и шпинатом. В этом лагере нам повесили номера и фотографировали, а после этого вызвали в контору и брали отпечатки с пальцев.

После всего этого я была вместе с другими направлена работать на завод. Этот завод назывался «Шеллер Блекманн», там я работала на фрезерной машине. Жила в лагере. Харчи были сильно плохие. Хлеба давали только утром 200 г, а в обед и ужин — суп с брюквой и шпинатом. На фабрику ходили с полициантами туда и обратно, на левой стороне носили ОСТ. Никуда не выпускали. Работала по 9-12 часов. Но из-за неподчинения мастеру и невыполнение указаний работе 25 февраля 1944 года была перевезена на другой завод, в Миррцшлаг, 54 км от Тернитца, в так называемый исправительный лагерь, где положение было еще хуже. Где преследовали не только во дворе или на работе, а даже в бараке. Здесь я работала 12-14 часов, а зарабатывала ничтожные копейки — 17-20 рублей. Проработав 8 месяцев, я вновь была перевезена в Тернитц, в другой цех, где работала на подъемном кране. Работала до освобождения. Освободила нас наша Красная Армия 2 апреля». (Ф-1747, оп. 5, д. 24, лл. 75,76).

Уделом человека с биркой на шее, на которой был выбит его номер, были непосильный труд, голод, истязания и смерть. Невольникам было трудно, почти невозможно дать о себе весть на родину: их окружали колючей проволокой, находившейся под электрическим током, их караулили жандармы и собаки-ищейки.

▶С болью в сердце читаешь рассказ КЛАВДИИ В. о пребывании в концлагере:

«Территория наша была оккупирована немецкими извергами в 1942 г., 16 июня. В это время я нигде не работала. Когда началась мобилизация в Германию, мне вручили две повестки. От первой повестки я избежала, а от второй было невозможно. 27.09.1942 г. я была отправлена в эту проклятую Германию. Приехав в Германию, меня послали работать в г. Николай, на железный завод, работала я там чернорабочей. Проведя там трехмесячное мучение, я решила бежать на Родину. Подобрал себе трех подруг, 16.02.1943 г. мы бежали с этого завода, но побег наш оказался неудачным, мы были арестованы немецкими полициями. Просидев в тюрьме в г. Катовицы, нас отправили во всем известный концлагерь «Аушвиц». Еще были мы далеко от этого концлагеря, как в моих ушах раздались людские крики, стоны, предсмертные моления и свист плеток по людскому телу, и свист пуль, которые были выпущены немецкими кровопийцами-полициями. Они летели без промаха в безвинных людей. Когда завели нас в пределы лагеря, подряд стояло несколько десятков сырых и холодных барачков, без окон, без дверей. Они были ограждены высокой электрической стеной. По длинным, грязным дорогам валялись умершие и убитые, замученные голодом. Промежду мертвых людских тел медленно, искоса поглядывая, как монахи, одетые все в черные шинели и с накинутыми на головы черными башлыками, с собаками прохаживались изверги. Здесь я сразу увидела, какая участь ждала нас. Когда нас завели в этот страшный сырой барак, была ночь. Дожив до утра, нас повели в баню. Выйдя с бани, все были с оголенными головами и наколотыми номерами на руках и одеты все в платья, по которым немецкой гадиной извивались синие полосы шириной в два пальца.

Прожив здесь три дня, я узнала, что в этом лагере для истребления людей — как мертвых, так и живых — было построено 8 крематориев. Но так как эти мертвые чудовища не успевали поглощать тела немецких рабов, было выкопано еще 12 ям. Ямы эти были облиты цементом, причем бросались в эти ямы дети, старые и люди цветущих лет, у которых не было сил, а людей еще при здоровье убивали. Потом бросались все в ямы, обливались керосином и жглись. Когда наши доблестные войска прорвали оборону Аушвица, перед входом их в Аушвиц, за 8 часов раньше, все заключенные, в том числе и я, были эвакуированы в г. Берген-Бельзен, где тоже находился лагерь смерти. Но здесь был один лишь крематорий, а так как он не успевал пожирать даже трупы, то здесь люди уничтожались разными отравляющими уколами, разными казнями, а больше всего людей погибло из-за голода. Перед освобождением все силы были брошены на уборку трупов, которые можно было видеть десятками тысяч уже разложившихся. Один труп тянули четыре человека. Пройдя несколько метров, человек, который тянул труп, сам падал на него, и количество трупов увеличивалось с каждой минутой. Но все равно, как враг ни старался покрыть свои личные грехи, ему это не удалось. После освобождения в этом лагере осталось лежавших на поверхности 13 тысяч трупов. Освобождены мы были английскими войсками 15 апреля 1945 г.». (Р-1747, оп. 5, д. 5, л. 5-5 об.).

Из дневника НАДЕЖДЫ И.:

«19 января 1943 года. Сегодняшний день мне радостнее всех дней моей жизни. Я еще так не переживала, как сегодня! За все свое пребывание в лагере получила от мамочки письмо, которое для меня так было дорого, что описать и не могу. Я танцевала, смеялась и очень плакала от радости. Получили все девушки наши. Мамочка моя, если бы ты знала, как я пережила этот день на работе, все очень радовались вместе со мной». (Р-1747, оп. 3, д. 32, л. 6 об.).

Перелистывая рукописные воспоминания репатриированных граждан, необходимо сказать, что они не устарели, не потускнели. Именно теперь, когда вновь поднимают головы те, кого разгром гитлеровской Германии ничему не научил, эти воспоминания с фашистской каторги приобретают особое значение. Они представляют собой документы огромной обличительной силы, предостерегающие народы Европы от повторения трагедии 1939-1945 годов, когда гитлеровцы топтали земли многих стран и издевались над их народами.

С другой стороны, эти воспоминания свидетельствуют и о великой силе духа советского человека, которого не сломало бремя испытаний. В страшной атмосфере гитлеровской каторги наши люди сберегли свое человеческое достоинство и продолжали борьбу с врагом, потому что верили в Победу и дождались Победы.

